

Учимся читать у М. Цветаевой

Н.А. Ипполитова

Общеизвестно, что многие современные школьники читать художественную (классическую) литературу не любят и не хотят. В лучшем случае они способны на так называемое информационное чтение, суть которого заключается в поисках, извлечении и использовании нужной для достижения тех или иных целей информации. Но чтение такого рода не обеспечивает развития эмоциональной сферы человека, оно не заставляет размышлять над такими явлениями, как добро и зло, радость и печаль, любовь и ненависть. Только художественная литература обладает способностью ставить вопросы нравственного, этического характера, ответы на которые мы ищем всю жизнь. Размышляя над ними вместе с автором, читатель открывает за таенные, скрытые в его собственной душе чувства и мысли, обнаруживает их богатство, преобразуется в процессе поисков и познания истины.

Но для того, чтобы чтение художественной литературы было действительно полезным и необходимым для человека, нужно развить в нем соответствующие способности, такие как умение формулировать вопросы, связанные с познанием смысла читаемого; умение прогнозировать возможные ответы на поставленные вопросы; умение определять свою позицию «относительно порядка и предмета изложения» (А.А. Брудный); стремление получить необходимые сведения о культуре определенной эпохи, отраженной в содержании произведения; умение (и желание) раскрыть смысл символических знаков текста, проникнуть в его глубинную структуру. Именно эти способности позволяют познать смысл читаемого, который формируется в сознании читающего. Напомним в связи с этим высказывание А.А. Брудного, который утверждал, что «по-

нимание текстов – не самоцель, в их содержании отражены действительные отношения вещей, имеющие значение для образа мыслей, поступков и намерений людей. Именно эти действительные отношения существуют для людей, считающих необходимым понять те или иные тексты» (Брудный А.А. Психологическая герменевтика. М., 1998. С. 132; далее – ссылки на указанное издание).

К сожалению, в практике обучения чтению этому аспекту не уделяется должного внимания, в результате чего **процесс чтения не осознается школьниками как значимый для их собственного развития**, не воспринимается как процесс самопознания и самосовершенствования.

Для того чтобы показать школьникам, как нужно читать, полезно, на наш взгляд, проанализировать примеры вдумчивого, глубокого, осмысленного чтения, описанные в литературе, взятые из личного опыта учителя, отраженные в воспоминаниях, мемуарах, эссе поэтов, писателей, деятелей культуры и т.п.

Предлагаем в связи с этим использовать на уроках литературы, риторики и русского языка (в различных классах – в зависимости от уровня подготовки школьников, с учетом специфики, профиля и специальных задач обучения) фрагменты из прозаических произведений М. Цветаевой «Мой Пушкин» и «Пушкин и Пугачев». Покажем на их примере, каким образом может быть организована работа по совершенствованию умений, связанных с восприятием и пониманием текстов художественной литературы различных жанров.

1. Предлагаем учащимся вспомнить (прочитать) строки из известного стихотворения А.С. Пушкина:

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда.

– Какие вопросы могут возникнуть на основе прочитанного? – Какой об-

раз возникает у каждого из вас, когда вы читаете эти строки?

Эти и подобные вопросы подготавливают учащихся к восприятию того, как осмысливает эти строчки Цветаева:

«Так что же она (птичка. – Н.И.) делает? И кто же тогда вьет гнездо? И есть ли вообще такие птички, кроме кукушки, которая не птичка, а целая птичица? Эти стихи явно написаны про бабочку.

Но такова сила поэтического напева, что никому, кажется, за больше чем столет, в голову не пришло эту птичку *проверить* (выделено автором. – Н.И.) – и меньше всего – шестилетней тогдашней – мне... Эта птичка – поэтическая вольность. Интересно, что думают об этой птичке трезвые школьники Советской России?» (опубликовано в 1937 г.; здесь и далее цит. по: *Цветаева М.И.* Поэзия. Проза. Драматургия. М., 2000).

Беседа со школьниками при обсуждении приведенного фрагмента завершается обобщением, содержание которого конкретизируется тем или иным образом в зависимости от ответов и рассуждений учащихся: поэтическая речь, стихи – это порой вольность, особое видение поэтом явлений и фактов действительности, и если это видение представлено мастерски, художественно точно и ярко, то оно не вызывает у нас сомнений и вопросов.

2. Анализируя стихотворение А.С. Пушкина «Бесы» («Мчатся тучи, вьются тучи...»), предлагаем школьникам описать свои впечатления, возникшие в процессе чтения, и сравнить их с теми, которые описаны Цветаевой:

«Все страшно – с самого начала: луны не видно, а она есть, луна – невидимка, луна в шапке-невидимке, чтобы все видеть и чтобы ее не видели. Странное стихотворение (состояние), где сразу можно быть (нельзя не быть) всем: луной, ездоком, шарахающимся конем и – о, сладкое обмирание – ими! Ибо нет читателя, который одновременно не сидел в санях и не пролетал над санями, там, в беспредельной вышине, на разные голоса не выл и там, в санях, от этого воя не обмирал. Два полета: саней и туч, и в каждом ты – ле-

тишь. Но помимо едущего и летящих, я была еще третьим: луною – той, что, невидимая, видит: Пушкина, над ним – Бесов, и над Пушкиным и Бесами – сама летит».

В ходе беседы с учащимися отметим умение Цветаевой-читателя *видеть* и *слышать* то, о чем идет речь в стихотворении, занимать определенную *позицию* по отношению к содержанию («ты – летишь», «я была еще третьим: луною»), что позволяет пережить некое состояние, настроение («страшно»), представить картину, описанную поэтом, увидеть ее в динамике, в движении, в полете. Все это страшит и восхищает «до-семилетнюю» Цветаеву, восхищают ее и Бесы, потому что вместе с ними можно мчаться. Она их жалеет (они прокляты Богом) и возмущается их стремительностью.

3. Перечитывая со школьниками стихотворение А.С. Пушкина «К няне», обратим внимание на строки «Подруга дней моих суровых – / Голубка дряхлая моя» и предложим ответить на следующие вопросы:

– Почему Пушкин называет няню «голубкой» и «подругой»?

– Какой образ возникает у вас, когда вы слышите эти строки?

– Какими словами можно описать чувства Пушкина к няне?

– Что вам показалось необычным, новым (неведомым ранее) в описании отношений между людьми, представленном в стихотворении?

А вот как размышляла Цветаева, читая всем известное, с детства знакомое стихотворение:

«Голубка я слово знала, так отец всегда называл мою мать... но *подруга* было новое, мы с Асей росли одиноко, и подруг у нас не было. Слово подруга – самое любовное из всех – впервые прозвучало мне, обращенное к старухе... Дряхлая голубка – значит очень пушистая, пышная, почти меховая голубка, почти муфта – голубка, вроде маминой котиковой муфты, которая была бы голубою, и так Пушкин называл свою няню, потому что ее любил. Скажу: подруга, скажу: голубка – и заболит...

Из знакомого же с детства: Пушкин из всех женщин на свете больше всего любил свою няню, которая была не женщина. Из "К няне" Пушкина я на всю жизнь узнала, что старую женщину – потому что родная – можно любить больше, чем молодую, – потому что молодая и даже потому что – любимая. Такой нежности слов у Пушкина не нашлось ни к одной».

Обобщая рассуждения Цветаевой, подчеркиваем самое главное: внимательно прочитанное – понятное и прочувствованное – дает читающему представление об истинных ценностях, глубже раскрывает отношения между людьми, а это имеет большое значение для развития собственных представлений, мыслей и взглядов.

4. В процессе изучения романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» полезно познакомить учащихся с тем, как и почему воспринимала образы главных героев М. Цветаева. Впервые с Татьяной и Онегиным будущая поэтесса познакомилась в шестилетнем возрасте на музыкальном вечере, на котором «давали сцену из "Русалки", потом "Рогнеду" – и:

Теперь мы в сад перелетим,

Где встретила Татьяна с ним».

Маленькой Марине больше всего понравилась сцена объяснения Онегина и Татьяны (речь, конечно, идет об опере П.И. Чайковского).

Вот как она напишет об этом позже, уже в зрелом возрасте:

«Скамейка. На скамейке – Татьяна. Потом приходит Онегин, но не садится, а она встает. Оба стоят. И говорит только он, все время, долго, а она не говорит ни слова. И тут я понимаю... что это – любовь: когда скамейка, на скамейке – она, потом приходит он и все время говорит, а она не говорит ни слова».

Естественно возникает вопрос – каким образом шестилетняя девочка сумела понять суть любовных отношений вообще и героев романа А.С. Пушкина – в частности?

Ответ на него дает сама Цветаева:

«Моя первая любовная сцена была нелюбовной: он не любил (это я поняла), потому и не сел, любила она, по-

тому и встала, они ни минуты не были вместе, ничего вместе не делали, делали совершенно обратное: он говорил, она молчала, он не любил, она любила, он ушел, она осталась, так что если поднять занавес – она одна стоит, а может быть, опять сидит, потому что стояла она только потому, что он стоял, а потом рухнула и так будет сидеть вечно. Татьяна на этой скамейке сидит вечно».

Описывая свои впечатления, Цветаева обнаруживает очень важные, необходимые для осознания и понимания прочитанного особенности. Она обращает внимание не только на то, **о чем** рассказывает произведение, но и на то, **как** это делается: какие детали в поведении героев подчеркиваются, какие слова подбираются для описания их чувств и переживаний, каким образом передаются их взаимоотношения. В результате Цветаева не только воспроизводит тот или иной фрагмент романа, но и дорисовывает, домысливает его, видит и понимает то, что в романе прямо не обозначено: Татьяна выбрала Онегина, потому что «втайне знала, что он ее не сможет любить»; Татьяна во всех сценах с Онегиным остается «в зачарованном кругу своего одиночества», «любящая и любимой быть не могущая».

Такое понимание образа Татьяны предопределило очень многое в судьбе самой Цветаевой. Пушкин, по ее словам, заразил ее любовью, «словом – любовь», дал возможность понять самую суть любви и представить образ настоящей героини любовного романа: смелой и достойной, любящей и непреклонной, ясновидящей и чуткой.

Все это дает Цветаевой основание принять и реализовать те жизненные принципы, которые она сформулировала для себя на основе размышлений о сути любви, о женском характере, о счастье:

«Да, да, девушки, признавайтесь – первые, а потом слушайте отповеди, и потом выходите замуж за почетных раненых, и потом слушайте признания и не снисходите до них – и вы будете в тысячу раз счастливее нашей другой героини, той, у которой

от исполнения всех желаний ничего другого не осталось, как лечь на рельсы».

Таким образом, знакомство с пушкинской героиней позволило Цветаевой усвоить очень важный жизненный урок, который она сформулировала как «Урок смелости. Урок гордости. Урок верности. Урок судьбы. Урок одиночества». А для нас размышления поэта становятся уроком понимания, составной частью которого является осмысление этических нормативов в оценке тех или иных поступков.

5. И, наконец, очень коротко рассмотрим методические возможности прозаического произведения М. Цветаевой «Пушкин и Пугачев», в котором, на наш взгляд, обнаруживается целый ряд особенностей, которые можно постичь только при вдумчивом глубоком чтении.

Отметим прежде всего умение «до-семилетней» Цветаевой общаться с героями литературных произведений, а порой и отождествлять себя с ними, представляя себя в ситуации, описанной автором:

«О, я сразу в Вожатого влюбилась, с той минуты сна, когда самозванный отец, то есть чернородый мужик, оказавшийся на постели вместо гриневского отца, поглядел на меня веселыми глазами. И когда мужик, выхватив топор, стал махать им и вправо и влево, я знала, что я, то есть Гринева, уцелеет... И когда страшный мужик ласково стал меня кликать, говоря: "Не бойсь! Подойди под мое благословение!" – я уже под этим благословением – стояла, изо всех своих немалых детских сил под него Гринева – толкала: "Да иди же, иди, иди! Люби! Люби!" – и готова была горько плакать, что Гринева не понимает (Гринева вообще из непонимающих) – что мужик его любит, всех рубит, а его любит, как если бы волк вдруг стал сам давать тебе лапу, а ты бы этой лапы не принял».

В этом фрагменте ярко проявляется отношение Цветаевой к Пугачеву: она не сомневается в том, что Вожатый – разбойник и злодей, «волк», но чувствует его желание быть великодушным, добрым, справедливым – и

именно это делает его привлекательным, необычным, наделяет особыми чарами, под влияние которых попадают и Гринева, и Пушкин, и юная читательница Цветаева.

Девочке Цветаевой в процессе чтения удается открывать свои смыслы, свое понимание произведения (она ведь еще не училась в школе), испытывать сильные и глубокие чувства, познавать суть фактов и явлений, усваивать нравственные и этические законы (нормы).

Конечно, М. Цветаева – особый человек, гений, Поэт с большой буквы. Ее одаренность проявлялась во всем и с самого раннего детства. Но, может быть, нам стоит понаблюдать над тем, как и в чем проявляется эта одаренность, и использовать (хотя бы в доступной нам мере) те приемы чтения, которыми пользуются одаренные люди? Как показывает опыт, это порой удается.

Очень важно показать школьникам некоторые из этих приемов в действии. Продолжая анализировать произведение «Пушкин и Пугачев», обнаруживаем, например, что Цветаева не просто читает, а размышляет: ставит вопросы, ищет на них ответы, отвергает варианты этих ответов, формулирует новые и т.д. Рассмотрим подробнее, например, как она читает сцену встречи Гринева с Пугачевым в ставке мятежников, когда Пугачев отпустил Гринева («Ступай себе на все четыре стороны и делай, что хочешь»).

Пушкин описывает картину застолья в ставке Пугачева: «...Пугачев и человек десять пирующих старшин сидели, в шапках и цветных рубашках, разгоряченные вином, с красными рожками и блистающими глазами, между ними не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранных изменников».

Какие вопросы возникают по прочтении этого эпизода у обычного читателя? (Предложите школьникам попробовать сформулировать свои вопросы.) Что должно заставить нас задуматься? Над чем и почему мы, читатели, должны размышлять в данном случае? Сравним нашу чита-

тельскую деятельность с деятельностью Цветаевой:

«Значит – были только свои, и в круг своих позвал Пугачев Гринева, своим его почувствовал. Желание заполучить в свои ряды? Расчет? Нет. Перебежчиков у него и так было много, и были среди них и поценнее ничем не замечательного дворянского сына Гринева. Значит – что? Влечение сердца. Черный, полюбивший беленького. Волк, – нет ли такой сказки? – полюбивший ягненка – несъеденного, может быть, и за то, что его не съел, как мы, злодеи и не-злодеи, часто привязываемся за наше собственное добро к человеку. Благодарность за заячий тулуп уже была исчерпана – дарованием жизни. Это приглашение за стол было уже чистое влечение сердца, любовь во всей ее чистоте».

Вот так, ставя вопросы и отвечая на них, Цветаева приходит к выводу:

«Гринева Пугачеву нужен не для чего: для души <...> Что это всё? Как это всё называется? Любовь... Ибо и дворянский сын Гринева Пугачева – любил...»

Может быть, не все согласятся с этими выводами, может быть, не всем покажутся убедительными размышления юной читательницы. Что же, размышляйте самостоятельно – анализируйте текст, формулируйте вопросы и делайте собственные выводы – но на основе того, что написал автор: в тексте нет ничего случайного и не имеющего отношения к авторскому замыслу. Надо помнить и понимать, что существуют различные варианты понимания одних и тех же текстов, и «поливариантность понимания есть специфическая особенность текстов художественной литературы» (А.А. Брудный).

Таким образом, анализ процесса чтения произведений художественной литературы юной М. Цветаевой позволяет, на наш взгляд, решить очень важную методическую задачу: показать, как следует пользоваться приемами глубокого, вдумчивого (изучающего) чтения, которые описаны во многих учебниках и методических пособиях, в том числе и в учебниках по риторике под редакцией Т.А. Ладыженской.

Кроме того, анализ фрагментов

из произведений «Мой Пушкин» и «Пушкин и Пугачев» дает возможность показать, как реализуется процесс понимания, который требует от читателя активной мыслительной деятельности и носит творческий характер. «Творчество – процесс; восприятие творчества – также процесс, и это особенно ярко проявляется при чтении литературных произведений» (см.: Щедровицкий Т.П., Якобсон С.Г. Методологические проблемы понимания // Мышление и общение: Мат. всесоюз. симп. – Алма-Ата, 1973).

Именно творческий характер восприятия и понимания дает читателю возможность познать силу художественного произведения, силу слова, силу его воздействия на духовную сферу человека, ибо «литературные тексты содержат значительную по объему информацию относительно многообразных социальных явлений, характерологических особенностей людей, межличностных отношений и личных переживаний» (А.А. Брудный).

Осмысление этой информации преобразует внутренний мир человека, способствует познанию этических и нравственных законов, формирует взгляды и убеждения, регулирует деятельность человека в различных жизненных ситуациях.

Наталья Александровна Ипполитова – доктор пед. наук, профессор, зав. кафедрой риторики и культуры речи МПГУ, г. Москва.